

Феноменология границ в польском бестселлере 1930-х годов – романе «Граница» Зофьи Налковской

Виктория Валентиновна Мочалова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Кандидат филологических наук,

заведующая Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН

ORCID ID: 0000-0002-3429-222X

Центр славяно-иудаики Института славяноведения РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А

Тел.: +7(495)938-00-70

E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.21

Аннотация. В статье анализируется множественность пространственных и временных границ, проходящих в социальной, нравственной, психологической сферах, исследуемых польской писательницей Зофьей Налковской в ее романе «Граница», вызвавшем широкий резонанс с момента своей публикации (1935) и продолжающем привлекать интерес и внимание критики и читателей, вошедшем в канон польской литературы. В метафорическом названии романа отражено многообразие (резких или подвижных, размытых, проницаемых) границ, разделяющих общественные страты, индивидуума и социальную среду, жизнь и смерть (самоубийство), прошлое и настоящее, гендерные отношения, родителей и детей, субъективное и объективное, внешнюю оценку события и внутреннюю мотивацию персонажей, поступок и интенцию, видимое и незримое, компромисс и нравственную неразборчивость, индивидуалистское и коллективистское сознание, вину (преступление) и невиновность, грех и возмездие. Последовательно релятивистская позиция автора позволяет представить изображаемый мир в его неоднозначности и вне черно-белой палитры. Понятие границы Налковская транспонирует на сферы социологии, морали, психологии, создавая смысловую полифонию, что стимулирует энергию интерпретации (как с позитивным, так и с негативным знаком) на протяжении десятилетий, прошедших со времени публикации романа.

Ключевые слова: *Зофья Налковская, психологическая проза, феминизм, социальный роман, эротический сюжет*

Ссылка для цитирования: *Мочалова В. В. Феноменология границ в польском бестселлере 1930-х годов – романе «Граница» Зофьи Налковской // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2024: Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции. С. 411–423. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.21*

*Памяти Светланы Филипповны Мусиенко (1939–2023),
создателя кафедры польской филологии
Гродненского университета
и музея Зофьи Налковской в Гродно*

Метафорическое название знаменитого романа «Граница» (1935, рус. пер. – 1960 [Налковская 1979])¹ Зофьи Налковской (1884–1954) [Robertson 2019; Zaworska 1966], удостоенного в 1936 г. государственной литературной премии, могло бы с достаточным основанием употребляться во множественном числе, ибо в нем представлены границы, проходящие в разных сферах – социальной, нравственной, психологической [Мусиенко 2009, 151]. В период, когда создавался этот роман – в межвоенное двадцатилетие в польской прозе, – заметное развитие получает психологическое направление, в европейской литературе связанное с именами Джойса и Пруста. Большое значение для повышения интереса к психологической проблематике имели труды Фрейда, Юнга и Адлера. Расцвет психологической прозы в польской литературе связан с именами Ярослава Ивашкевича («Блендомежские страсти», «Березняк», «Девушки из Вилько»), Михала Хороманьского («Певец тропических островов», «Ревность и медицина»), Марии Кунцевич («Чужеземка»), Тадеуша Брезы («Адам Гривальд»), Адольфа Рудницкого («Нелюбимая») и других выдающихся писателей. И на этом богатом литературном фоне Налковская и ее «Граница» занимают весьма видное место.

«Границу» относят к произведениям, которые получают широкий, не ограниченный каким-то определенным временем резонанс

¹ Цитаты из романа приводятся по изданию [Nałkowska 2018] в переводе автора статьи.

(представление об этом дает, в частности, обширный компендиум, антология откликов критики, относящихся к разным периодам рецепции произведения [Marzec 2019])². Роман «Граница» Налковской стал актом гражданского мужества, идейной декларацией, выражением мировоззрения, протестом против системы эксплуатации и насилия [Kirchner 2018, 105].

Роман называли «мудрым и великим произведением» [Wojcik 1971, XC], рецензент Я. Скивский писал: «Налковская показала нам глубокую верность реальности. Эта верность стала ее божеством. Налковская стремится соответствовать реальности» [Marzec 2019, 99].

Это многоплановое произведение, сразу получившее широкую известность и ставшее бестселлером, сочетало в себе элементы социального романа с критическим анализом, эротического романа с драматическим исходом, психологической прозы и попыток философского осмысления описываемой реальности.

Показательно, что множественное число – «Границы» – использовано в заглавии коллективного исследования [Zawiszewska 2014], выдержавшего несколько изданий (2012, 2014, 2015) и акцентирующего феминистский аспект творчества Налковской, считавшейся некоторыми молодыми исследователям и читателями «иконкой феминизма» (см. подробную рецензию этого исследования [Kirchner 2015, 125]). В педалировании феминистического аспекта нет исследовательского произвола, ведь и дебютом Налковской стал роман (трилогия) «Женщины» («Kobiety», 1906), посвященный процессу созревания девушки на грани эпох – XIX и XX веков – и отразивший сложное положение умной свободолюбивой, с выраженным самосознанием женщины в «мужском мире», а первым заметным успехом писательницы стал «Роман Терезы Геннерт» («Romans Teresy Hennert», 1923) о запретной любви, представленной на широком социально-политическом фоне (критика отмечала, что этот фон преобладает над заглавным сюжетом). А в 1907 г. на I съезде польских женщин Налковская выступила со скандальным – по тем временам – докладом «Замечания об этических задачах женского движения», в котором сформулировала

² В связи с труднодоступностью большинства этих откликов они приводятся со ссылкой на эту антологию.

требование освободить женщин от установленного мужчинами идеала нравственного целомудрия [Kirchner 2011, 73–74]. Писатель и литературный критик Кароль Ижиковский относил творчество Налковской к кругу «женской» литературы, весьма пренебрежительно им оцениваемой (что некоторыми исследователями объяснялось сложными личными отношениями между ним и писательницей [Panek 2019]). В терминах феминистской критики рассматривает раннее творчество Налковской в контексте «женской прозы» и видный современный историк польской литературы Гражина Борковская [Borkowska 1996].

Присутствующий в «Границе» сюжет любовного треугольника как известной схемы ранее был представлен и в романе Налковской «Дурная любовь. Провинциальный роман» («Niedobra miłość. Romans prowincjonalny», 1928). Критики отмечали значение понятия «схемы» в идее романа «Граница», полагая, что таким должно было стать и название романа («Схемы»). Содержание романа дает некоторые основания для подобной трактовки – главный герой Зенон Зембевич так резюмирует сюжетобразующую линию любовного треугольника, в который он вписан: «И всё сложилось точно по известной схеме – деревенская девушка и барышня из буржуазного дома, невеста и любовница, возвышенная и чувственная любовь» [Nałkowska 2018, 148]. Между этими видами любви можно отметить одну из **границ**, представленных в романе Налковской, далекой от какого-либо морализаторства. Зенон восторженно воспеваает чувственный аспект эротических отношений с деревенской девушкой, свободных от необходимости устанавливать духовное понимание, какую-либо психическую надстройку, обладающих своей единственной логикой пребывания в гармонии с природой и получения простого удовольствия от подчинения ее законам [Nałkowska 2018, 81].

Сама Налковская дала понятию схемы особое толкование в своем комментарии к роману, опубликованном в журнале «Облик дня» (1936): «Во многих рецензиях я встретила мнение, что якобы первоначально названием моей последней книги было “Схемы”. Это не так, название “Граница” было изначально. Однако устойчивость этой версии убедила меня, что именно этот тематический мотив привлекает внимание критиков, как если бы он был основным. Поэтому я обращаюсь к нему, ибо по моему замыслу в нем выражен со-

циальный смысл “Границы”. Индивидуальной натуре человека свойственно сопротивляться попыткам свести его к стандартам, позволяющим легко классифицировать его с социальной точки зрения. Человеку любопытно узнать, как он выглядит извне, в глазах людей, но вместе с тем его пугает такая перспектива взгляда. Подсознательно ощущаемое центральное место в мире, вся эгоцентрическая терминология нашей мысли свидетельствует об этом фундаментальном предрассудке человеческого честолюбия. Принятие другой точки зрения, осмысление себя в свете суждений других людей, в категориях их моральной оценки требует усилия не только воли, но и воображения. Видимый извне, в своих действиях, “судимый по делам” человек всегда может быть сведен к какой-то готовой, повторяющейся системе отношений, элементы его характера могут быть отнесены к какому-то типу, конфликты, в которые он вступает, кажутся уже предсказуемыми в рамках готовых схем, и на этой основе складывается суждение о нем в данном сообществе, суждение, которое определяет его место и роль в этом сообществе, и даже судьбу. В случае Зембевича проблема схемы или <...> страх перед схемой носит характер самообороны личности от общества и его моральными нормами» [Marzec 2019, 197–198].

При этом Налковская в романе высказывает предположение: «Может быть, это не видимость. Может быть, все таково, каким выглядит. И то, чем мы являемся для людей, важнее того, чем мы представляемся в собственных глазах» [Nalkowska 2018, 198]. В таком случае **граница** отделяет явленное, внешнее от скрытого, внутреннего.

С самого начала романа прокладывается наиболее значимая **граница** – временная, разделяющая жизнь и смерть (а человек, отмечает писательница, умирает в любой момент жизни), определяющая и (посмертное) восприятие героя, и его оценку. О писательской стратегии Налковской Ян Парандовский, возглавлявший издание серии «Великие писатели», многолетний председатель польского Пен-клуба, отмечал, что она набрасывает на бумагу разные части, не решив еще, где их затем разместить [Парандовский 1972, 155]. Возможно, здесь имеется в виду хронологическая инверсия повествования, которое начинается с финального эпизода сюжета – покушения Юстины на соблазнившего ее главного героя, которого она обливает кислотой и ослепляет. Далее сюжет разворачи-

вается от этого драматического конца – к началу. Пока герой был жив, в своем внутреннем восприятии он находился в центре своей жизни, защищенный своим сознанием и им оправданный. У него были свои принципы, аргументы и определенные мотивы поступков. Когда же он умер, все субъективные предпосылки рухнули вместе с ним. Он был виден только снаружи, со стороны той улицы, которая судила его по его делам, публичным выступлениям (в момент покушения он был мэром провинциального городка), которая знала только факты. И этому уже нечего было противопоставить (Зенон думал в связи со смертью своего отца, что достаточно умереть, чтобы стать совершенно беззащитным). Дело было таким, каким выглядело – пошлым скандалом [Nałkowska 2018, 4–6].

Воздерживаясь от прямого суждения (осуждения), оставаясь на позиции релятивизма, Налковская не выносит однозначных и категоричных моральных оценок – добродетели ли или преступления. «Дно – это другое», – говорит Зенон, объясняя жене свое страстное увлечение Юстиной [Nałkowska 2018, 173]. Представляется, что описывая мироощущение Цецилии Колиховской, Налковская наделяет его чертами собственного: «Каждое явление жизни было для нее двояким – хорошим и плохим, ибо она воспринимала его одновременно с двух сторон. Эти противоречивые оценки сосуществовали в ней одновременно, взаимно поддерживая и дополняя друг друга для создания картины мира на крайне релятивистской основе» [Nałkowska 2018, 15].

Временная граница проходит и внутри жизни человека – так, стареющая женщина была готова ко всему в жизни, но к тому, что она станет старой – никогда; у героини возникает ощущение, что единственным настоящим временем жизни было прошлое; старость воспринимается как нечто, относящееся к другим людям, а не к той, кто всю жизнь с нетерпением ожидает перемен и надеется на то, что все в конце концов прояснится и обретет смысл, однако старость становится процессом распада этих иллюзий.

Наиболее зримая **граница** в романе – пространственная, разделяющая социальные классы общества, что представлено в образе дома пани Колиховской, где на верхних этажах обитают жильцы из высших слоев, а в подвалах – простолюдины, пролетариат, и что для одних было полом, для других являлось потолком. Представители этих разных общественных слоев были незримы друг для дру-

га: господа не видели кухарку, а она не видела их. Эти противопоставленные и взаимозависимые миры разделялись на пороге между кухней и покоем. Эта граница охранялась могущественными фигурами камердинера, хозяйки и лакея Антония и была непреодолимой.

Пространственная **граница** пересекается и с биографией, с любовной линией: когда герой романа Зенон после летних каникул расстается с «кухаркиной дочерью», он не в силах сказать ей, что уже не вернется, что вне Болебожей всю историю с Юстиной невозможно помыслить, что эта история должна остаться в своих естественных **границах**, замкнутая очертаниями этого жаркого болебожанского лета. И тут Зенон следовал природе, ее закону переменчивости [Nałkowska 2018, 34].

Четко проведена в романе с эротическим сюжетом **граница**, проходящая между полами, разделяющая женщин и мужчин, которых одна из женских персонажей называет каким-то низшим человеческим видом, вроде животных, и их следует укрощать, подчинять, дрессировать и уметь держать. Этому посвящается вся жизнь женщины, вся острота чувства, вся изобретательность инстинкта, создается новая психологическая дисциплина, полная предписаний, норм и параграфов – и все напрасно: это некие существа, с которыми нет обычных взаимоотношений человека с человеком, враждебные, непредсказуемые существа, полные диких инстинктов, таинственные и лживые. Их нужно любой ценой отгадать, нужно вооружаться против них, жизнь с ними постоянно грозит опасностью и погибелью. Ничто не бесспорно, ни в чем нельзя быть уверенной, при этом возможно все.

В драматических тонах в конце романа обрисована пространственная граница, отделяющая восставших рабочих от магистрата, на пороге которого стоит главный герой романа – мэр Зембевич, отражаясь в стеклянных дверях, что создает иллюзию его объединения с толпой манифестантов, в то время как они наступают из-за его спины. Приказ стрелять в толпу и гибель нескольких человек становятся причиной (возможно, несправедливых) обвинений мэра.

В заметной карьере главного героя – от парижского студента до редактора журнала и мэра провинциального города – различима хотя и незримая, но и подвижная **граница**, отделяющая компро-

мисс (на посту редактора журнала «Нива») от нравственной неразборчивости. Поначалу уступки, на которые он идет как редактор, представлялись относительно незначительными и не выглядели падением. Как бы он ни поступал, всегда рядом оказывалось нечто еще худшее, чему он мог из лучших побуждений противостоять. Однако последняя граница между его поступком и этим «худшим» – «граница нравственной стойкости – незаметно отодвигалась всё дальше и дальше» [Nałkowska 2018, 162].

Известный историк польской литературы и критик В. Вейнтрауб отмечал в романах Налковской холодный и пронизательный психологический анализ, простоту точного и очень интеллектуального стиля, уподобляя их романам Гертруды Стайн [Вейнтрауб 1953, 166].

Граница у Налковской отделяет и человека от окружающей среды, от «других», хотя это отделение и иллюзорно: «Одиночество – это иллюзия, Мысли человека всегда кружатся вокруг других людей и соединяют его с их чужой судьбой, которую он тщетно пытается оттолкнуть». Однако, сознание «кухаркиной дочери» Юстины не пытается оттолкнуть чужие судьбы – «ее жизнь была соткана из чужих событий. В своем эпическом отношении к действительности она не различала никакой иерархии явлений. Все было одинаково важным и интересным... Какая-то самодостаточная, параллельная реальность, утешающая, что повсюду есть жизнь и смерть», «она все время говорила о других. Казалось, что у нее нет собственной биографии. Целый мир незнакомых людей предстал перед Зеноном из этих ее слов» [Nałkowska 2018, 64, 66]. В своей рецензии на роман Налковской, выразительно озаглавленной и как бы отсылающей к традиции Достоевского «Книга о вине и наказании», выдающийся польский писатель Ежи Анджеевский, анализируя образ Юстины, пишет: «Юстина внутренне слишком ограничена, чтобы жить собственной жизнью, и именно поэтому она может становиться бессознательным отражением своего окружения, орудием его воли и безволия, руслом, по которому течет коллективная воля ее социальной группы» [Marzec 2019, 302]. Таким образом, здесь проходит и **граница** между индивидуалистской позицией Зенона и коллективистским сознанием Юстины, а самоубийственная смерть Зембевица в финале романа становится не сенсационным эффектом, а возрастает до масштабов кары [Marzec 2019, 119].

Менее зримая, но чрезвычайно существенная **граница** проходит между общественной и частной жизнью человека, причем эта граница предстает как проницаемая, подвижная. «Дело в том, что должно же нечто существовать, – говорит Зенону жена после драматических событий на площади перед магистратом. – Какая-то граница, которую нельзя преступить, за которой человек перестает быть собой. И история человека, уместающаяся между его рождением и смертью, иногда предстает как нонсенс» [Nalkowska 2018, 331].

Как справедливо заметил критик Эмиль Брейтер, Налковская перенесла физический опыт границы на ряд понятий из области психологии, этики, криминалистики и социологии. Она имеет в виду различные границы, различные крайности, с которыми сталкивается каждый человек. Например, граница компромисса, граница стойкости, граница личности. Каждый из троих участников любовного треугольника в какой-то момент преступил границу. Но кто из живущих людей может предвидеть тот момент, в который человек выйдет из себя? [Marzec 2019, 131, 139].

В финальном диалоге героя с женой звучит не только социальный пессимизм, характерный для умонастроений интеллигенции межвоенной Польши («Они кричат тут о насилии, о диктатуре и тюрьмах <...> а когда они дорвутся до власти, то создадут себе и армию, и полицию, и тюрьмы»; «мир – это место преступления... Так везде на земле... По обе стороны, и по ту, и по эту – люди, обычные люди, которые хотят одного и того же – власти и крови»), но и очередной раз отражается релятивизм Налковской («Вопрос всегда выглядит одинаково: толпа не виновата, что хочет работать, мы не виноваты, что у нас нет для них работы. А кто виноват – я не знаю»; «Я что, должен был дать себя убить, потому что у них есть идея? Государство – тоже идея. В конце концов, это способ, каким хотят сосуществовать люди. Оно создано людьми для людей») [Nalkowska 2018, 331]. Налковская не поучает, не морализирует, но объемно отражает социальную и психологическую реальность и дает неоднозначные оценки своих персонажей и экзистенциальных ситуаций, прочерчивая зримые и незримые, пространственные и временные границы. Заявленная в заглавии романа Налковской идея границы чрезвычайно значима и актуальна, она подвергается переосмыслению в многофигурном историческом романе нобелевского лауреата (2019) Ольги Токарчук «Книги Якова» (2014). «Идея по-

границья – это, в сущности, идея сосуществования людей в пространстве, стремящемся к отсутствию самой идеи границ как того, что непримиримо разделяет» [Адельгейм 2023, 325].

Литература

- Адельгейм 2023 – *Адельгейм И.* «Тот, кто занят делами Мессии ... даже если он всего лишь рассказывает их историю»: система персонажей и повествователей в «Книгах Якова» Ольги Токарчук // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия.* 2023: «Последние времена» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 309–328. DOI: 10.31168/2658-3356.2022.15
- Вейнтрауб 1953 – *Вейнтрауб В.* Литература Независимой Польши / пер. с польск. З. Юрьевой // *Новый журнал.* 1953. № 32. С. 158–170.
- Мусяенко 2009 – *Мусяенко С.* Проблема границы в одноименном романе Зофи Налковской // *Феномен памежжа. Славянскія мовы, літаратуры і культуры: этнас у святле гісторыі і сучаснасці / рэдкал.: А. І. Білюценка, Я. Панькоў, С. Ф. Мусіенка.* Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2009. С. 148–159.
- Налковская 1979 – *Налковская З.* Граница // *Налковская З. Избранное / пер. Е. А. Живовой.* М.: Художественная литература, 1979. С. 17–274.
- Парандовский 1972 – *Парандовский Я.* Алхимия слова / пер. с польск. А. Сиповича. М.: Прогресс, 1972. 336 с.
- Borkowska 1996 – *Borkowska G.* *Cudzoziemki.* *Studia o polskiej prozie kobiecej.* Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN, 1996. 268 s.
- Kirchner 2011 – *Kirchner H.* *Nałkowska albo życie pisane.* Warszawa: W.A.B., 2011 (2-е изд. – 2015). 826 s.
- Kirchner 2015 – *Kirchner H.* *Polonistyka hejterska uwagi do książki “Granice Nałkowskiej” // Pamiętnik Literacki.* 2015. CVI. Z. 3. S. 125–169.
- Kirchner 2018 – *Kirchner H.* *Socjologia i antropologia “Granicy” // Nałkowska Z.* *Granica.* Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 2018. S. 99–117.
- Marzec 2019 – *Marzec L.* *Spór o Granicę Zofii Nałkowskiej // Polemika krytycznoliteracka w Polsce / red. S. Panek.* Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2019. T. 16. 272 s.
- Nałkowska 2018 – *Nałkowska Z.* *Granica / opr. H. Kirchner.* Wyd. 2 zm. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 2018. 520 s.
- Panek 2019 – *Panek S.* *Mosty Karola Irzykowskiego.* Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2019. 286 s.

- Robertson 2019 – *Robertson J.* From Corsets to Communism: the Life and Times of Zofia Nałkowska. Edinburgh: Scotland Street Press, 2019. 272 p.
- Wójcik 1971 – *Wójcik W.* Wstęp // *Nałkowska Z.* Granica / opr. W. Wójcik. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1971. S. I–XCV.
- Zawiszewska 2014 – *Granice Nałkowskiej* / red. A. Zawiszewska. Warszawa: Feminoteka, 2014. 350 s.
- Zaworska 1966 – *Zaworska H.* “Granica” Zofii Nalkowskiej. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1966. 97 s.

**The Phenomenology of Borders
in a Polish Bestseller of the 1930s,
the Novel “Boundary” by Zofia Nałkowska**

Victoria Mochalova

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
Ph.D., Head of Judaic-Slavic Center

ORCID: 0000-0002-3429-222X

Judaic-Slavic Center, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Leninsky Avenue, 32A,
Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7(495)938-17-80
E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2024.21

Abstract. The article examines the complex interplay of spatial and temporal boundaries within the social, moral, and psychological realms as explored by Polish writer Zofia Nałkowska in her novel *The Border*. Since its publication in 1935, the novel has resonated widely, garnering ongoing interest from critics and readers alike, and has secured its place in the canon of Polish literature. The metaphorical title encapsulates the diversity of boundaries – whether sharp or fluid, blurred or permeable – that separate social strata, individual and collective experiences, life and death (including themes of suicide), past and present, gender relations, and parent-child dynamics. These boundaries also extend to the subjective versus objective perceptions of events, the internal motivations of characters versus external evaluations, action versus intention, the visible versus the invisible, compromise versus moral ambiguity, individualistic versus collectivistic consciousness, and concepts of guilt (or crime) versus innocence, sin versus retribution. Nałkowska’s consistently relativistic perspective invites

readers to engage with a world characterized by ambiguity rather than a simplistic black-and-white dichotomy. By transposing the notion of borders into the realms of sociology, morality, and psychology, she creates a rich semantic polyphony that continues to inspire diverse interpretations – both positive and negative – decades after the novel’s initial release.

Keywords: *Zofia Nalkowska, psychological prose, feminism, social novel, erotic plot*

Reference for citation: Mochalova, V. V., 2024, Fenomenologija granits v pol'skom bestsellere 1930-kh godov – romane «Granitsa» Zof'i Nalkovskoi [The Phenomenology of Borders in a Polish Bestseller of the 1930s, the Novel “Boundary” by Zofia Nalkowska]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 411–423. DOI: 10.31168/2658-3356.2024.21

References

- Adelgeym, I., 2023, “Tot, kto zaniat delami Messii ... dazhe esli on vsego lish' rasskazyvaet ikh istoriiu”: sistema personazhei i povestvovatelei v “Knigakh Iakova” Ol'gi Tokarchuk [“He Who is Busy with the Affairs of the Messiahs... Even if He Only Tells Their Story: the System of Characters and Narrators in Olga Tokarczuk’s *Books of Jacob*]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 309–328. DOI: 10.31168/2658-3356.2022.15
- Borkowska, G., 1996, *Cudzoziemki. Studia o polskiej prozie kobiecej* [Foreigners. Studies in Polish women’s prose]. Warszawa, Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN, 268.
- Kirchner, H., 2011, *Nałkowska albo życie pisane* [Nalkowska or the Written Life]. Warszawa, W.A.B., 826.
- Kirchner, H., 2015, Polonistyka hejterska uwagi do książki “Granice Nałkowskiej” [Polish Studies heir comments on the book “Nalkowska’s Boundaries”]. *Pamiętnik Literacki*. CVI (3), 125–169.
- Kirchner, H., 2018, Socjologia i antropologia “Granicy” [Sociology and anthropology of the “Boundary”]. Nałkowska Z. *Granica* [“Boundary”], 99–117. Wrocław, Wydawnictwo Ossolineum, 520.
- Marzec, L., 2019, Spór o Granicę Zofii Nałkowskiej [The Polemic Over Zofia Nałkowska’s “Boundary”]. *Polemika krytycznoliteracka w Polsce*, 16 [Critical Literary Argument in Poland, 16], ed. S. Panek. Poznań, Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 272.

- Musienko, S., 2009, Problema granitsy v odnoimennom romane Zof'i Nalkovskoi [The problem of the Boundary in Zofia Nalkowska's novel of the same name]. *Fenomen pamezhzha. Slavianskiia movy, litaratury i kul'tury: etnas y sviatle gistoryi i suchasnasti* [The Phenomenon of the Borderland. Slavic Languages, Literatures and Cultures: Ethnos in the Histories and Present Day], ed. S. F. Musienka et. al., 148–159. Grodno, GrDU imia Ia. Kupaly.
- Panek, S., 2019, *Mosty Karola Irzykowskiego* [Karol Irzykowski' Bridges]. Poznań, Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 286.
- Parandovskii, Ya., 1972, *Alkhimiia slova* [The Alchemy of Word], transl. from Polish A. Sipovich. Moscow, Progress, 336.
- Robertson, J., 2019, *From Corsets to Communism: the Life and Times of Zofia Nałkowska*. Edinburgh, Scotland Street Press, 272.
- Weintraub, W., 1953, Literatura Nezavisimoi Pol'shi [The Literature of Independent Poland], transl. from Polish Z. Yur'eva. *Novyi zhurnal*, 32, 158–170.
- Wójcik, W., 1971, Wstęp [Introduction]. Nałkowska Z. *Granica* ["Boundary"], ed. W. Wójcik, I–XCV. Wrocław, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 417.
- Zawiszewska, A., ed., 2014, *Granice Nałkowskiej* [Nalkowska's Boundaries], ed. A. Zawiszewska. Warszawa, Feminoteka, 350.
- Zaworska, H., 1966, "Granica" Zofii Nałkowskiej ["Boundary" by Zofia Nalkowska]. Warszawa, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 97.